

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 2

29 января 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е., адвокатов Б., П. и Т., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 07 октября 20.. года № ... (вх. № ... от 14.10.20..) в отношении адвокатов Б. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов), П. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов), Т. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 10 декабря 2026 года вынесла заключение:

1) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Б. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 07 октября 20.. года № ... (вх. № ... от 14.10.20..), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 07 октября 20.. года №... (вх. №... от 14.10.2..), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об

адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

3) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Т. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 07 октября 20.. года № ... (вх. № ... от 14.10.20..), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

29 января 20.. года, непосредственно перед началом заседания Совета Адвокатской палаты города Москвы, в Адвокатскую палату города Москвы поступило письменное ходатайство Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве (исх. № ..., вх. № .. от 29.01.20..) о возвращении дисциплинарного производства в Квалификационную комиссию Адвокатской палаты города Москвы для нового разбирательства. В обоснование ходатайства заявитель ссылается на *«дополнительную информацию»*, поступившую в Министерство юстиции Российской Федерации из ... МВД России письмом от 21 января 20.. года № ..., согласно которой оперативно-розыскное мероприятие *«наведение справок»* осуществлялось в отношении адвокатов Б., П. и Т. на основании *«судебных постановлений судьи Московского областного суда от 08.09.20.. (№ ..., № ... и № ... соответственно)»*, секретность которых *«исключает возможность их представления в квалификационную комиссию Адвокатской палаты»*. Кроме того, сообщается, что *«по... факту нападения на Пер. ... возбуждено уголовное дело по статье 116 Уголовного кодекса Российской Федерации (побои). При этом какие-либо заявления от адвокатов Б., П. и Т. по возможным фактам угрозы их жизни и здоровью в органы внутренних дел с 01.01.2021 по 29.12.2025 не поступали»*. Далее автором ходатайства со ссылкой на принцип состязательности дисциплинарного производства высказано мнение о том, что адвокаты Б., П. и Т. не представили доводов, опровергающих сведения об их выезде за пределы Российской Федерации на срок более года. Автор ходатайства также полагает, что *«в соответствии с подпунктом 7 пункта 2 статьи 17 Федерального закона № 63-ФЗ выезд адвоката за пределы Российской Федерации на срок более года в отсутствие уважительных причин является безусловным основанием для прекращения статуса такого адвоката по решению совета адвокатской палаты»*, в связи с чем *«представленная квалификационной комиссией Адвокатской палаты в указанной части позиция не соотносится с положениями Федерального закона № 63-ФЗ»*. Наряду с этим автор ходатайства указывает, что *«законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре подлежит буквальному и системному толкованию, учитывающему взаимную связь норм и складывающуюся правоприменительную практику»*. В этой связи в ходатайстве высказывается мнение об ошибочном исключении Квалификационной комиссией из срока

пребывания адвоката Б. за пределами Российской Федерации периода, когда его статус был приостановлен.

К ходатайству приложено письмо начальника ... МВД РФ ... от 21 января 20.. года № ... «О направлении информации», адресованное ... Министерства юстиции Российской Федерации С. Автор письма сообщает его адресату о состоявшемся 10 декабря 20.. года заседании Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы по рассмотрению настоящего дисциплинарного производства и о содержании вынесенного Комиссией заключения. Далее в письме сообщается, что *«оперативно-розыскное мероприятие «наведение справок» в отношении адвокатов П., Т. и Б. получено [Так в тексте письма – Примечание Совета] в соответствии с пунктом 3 статьи 8 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и на основании решений судьи Московского областного суда от 08.09.20.. (№ ..., № ... и № ... соответственно)»*, представлять которые *«в адвокатскую палату запрещено»*. На этом основании автор письма высказывает мнение о несостоятельности *«доводов комиссии о том, что МВД России провело»* указанное ОРМ в отношении адвокатов без соответствующего разрешения суда. Помимо этого, автор письма сообщает, что *«в результате проведенных мероприятий и ответа из ГУ МВД России по г. Москве установлено, что «заявлений и обращений со стороны П., Б., Т. и П. по возможным фактам угрозы их жизни и здоровью в период с 01.01.2021 по 29.12.2025 в органы внутренних дел Российской Федерации не поступало. Также установлено, что 10.03.2021 ОМВД России по району Р. г. Москвы возбуждено уголовное дело по ст. 116 УК РФ (побои), в котором Пер. являлся потерпевшим»*. В заключение автор письма просит его адресата *«на основании изложенного поручить провести дополнительную проверку и в рамках своей компетенции рассмотреть вопрос о прекращении статуса адвоката вышеуказанных лиц, в связи с выездом адвоката на постоянное место жительства или на срок более одного года за пределы Российской Федерации»*.

Каких-либо пояснений о том, по какой причине и в каком качестве ... МВД РФ обладает сведениями о ходе дисциплинарного разбирательства и о содержании заключения Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы по настоящему дисциплинарному производству, а также осуществляет по нему собирание и оценку доказательств, ни в ходатайстве заявителя, ни в приложении к нему не содержится.

В заседании Совета представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. подтвердила своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. Сообщила, что не согласна с заключением Комиссии по мотивам, изложенным в письменном ходатайстве Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве о возвращении дисциплинарного дела в Квалификационную комиссию Адвокатской палаты города Москвы для нового разбирательства, и поддержала это ходатайство. Отвечая на

вопросы членов Совета, дополнительно пояснила, что, по ее мнению, Квалификационная комиссия сделала вывод о необходимости прекращения дисциплинарного производства, не основанный на доказательствах, в связи с чем дело необходимо направить Комиссии на новое рассмотрение, в ходе которого: исследовать обстоятельство наличия судебных решений, разрешающих производство оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвокатов, сделать запрос в суд о предоставлении выписок из секретных судебных актов, потребовать от адвокатов представить доказательства того, что они пересекали границу Российской Федерации иным способом, исследовать обстоятельства наличия в Следственном комитете Российской Федерации обращений об угрозах жизни и здоровью адвокатов, обязать адвокатов представить доказательства, обосновывающие доводы об уважительности причин отсутствия их в Российской Федерации, истребовать у адвокатов копии их заявлений в правоохранительные органы по факту угроз и копии заграничных паспортов с отметками о пересечении границы Российской Федерации. Высказала мнение о том, что уважительность причин выезда адвокатов не подтверждена, поскольку адвокаты не обращались в МВД РФ по фактам угроз или иных противоправных действий. То обстоятельство, что контроль передвижения адвокатов затрагивал их профессиональную тайну, не выяснено. Полагает, что обязанность адвокатов не выезжать из страны фактически установлена законом и означает возможность для адвоката выезжать за пределы Российской Федерации на длительный срок только по уважительным причинам. Выезд адвоката из страны является проступком, который порочит честь и достоинство, свидетельствует о неисполнении обязанностей адвоката.

Адвокат Б. в заседании Совета подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. Сообщил, что согласен с заключением Комиссии, поддержав свои ранее данные пояснения. Указал, что не понимает, каким образом спустя столь длительное время в позиции заявителя появилась ссылка на секретные судебные акты, разрешающие оперативно-розыскные мероприятия в отношении адвокатов, и по какой причине эти судебные акты якобы вынесены Московским областным судом. Отметил, что к подсудности этого суда разрешение данного вопроса не могло относиться, поскольку уголовное дело, в связи с которым такие судебные решения могли бы быть вынесены, расследуется в городе Москве. Возражал против направления дисциплинарного производства Квалификационной комиссии, не усматривая оснований для этого. Также пояснил, что девять месяцев назад перенес серьезную операцию, в связи с чем до сих пор находится на амбулаторном лечении и наблюдении, при этом усиленно участвует в оказании юридической помощи доверителям. Никаких нарушений требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также профессиональной этики не допускал.

Адвокат П. в заседании Совета подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. Сообщил,

что согласен с заключением Комиссии, поддержав свои предыдущие пояснения. Дополнительно пояснил, что уголовное дело о покушении на Пе. возбуждено по ст. 105 УК РФ и расследуется центральным аппаратом Следственного комитета Российской Федерации; довод об угрозе их (его и адвоката Т.) жизни и здоровью заявителем не опровергнут; содержащаяся в представленном заявителем письме ... МВД РФ просьба о прекращении статуса адвокатов указывает на заинтересованность соответствующего подразделения, которое не является участником дисциплинарного производства; позиция Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве является противоречивой: утверждая изначально, что судебные решения для проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвокатов не требуются, в то же время в своем ходатайстве ссылается на их наличие, при этом обстоятельства их вынесения и причины засекречивания не ясны. Вопреки позиции заявителя, Квалификационная комиссия не осуществляет и не может осуществлять следственные функции, обстоятельства по дисциплинарному делу должны доказывать его участники. По этой причине ходатайство заявителя о направлении дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства считает необоснованным и не подлежащим удовлетворению. Обращений в правоохранительные органы об угрозах он не подавал, поскольку это не имеет практического смысла с точки зрения правоприменительной практики; угрозы жизни адвокатов подтверждаются фактом возбуждения и расследования указанного уголовного дела по ст. 105 УК РФ. Подчеркнул, что не утратил связь с профессией и страной, продолжает оказывать юридическую помощь доверителям в различных формах, в том числе с использованием видеоконференцсвязи. Никаких нарушений требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также профессиональной этики не допускал.

Адвокат Т. в заседании Совета подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. Сообщил, что согласен с заключением Квалификационной комиссии, поддержав свои предыдущие пояснения. Указал, что ссылка заявителя на номера судебных актов, очевидно, недостаточна для признания наличия последних, которое заявитель мог бы подтвердить путем представления копий этих судебных актов или выписок из них; письмо ... МВД РФ, приложенное к ходатайству заявителя, свидетельствует о предвзятости названного органа, и направлением этого письма заявитель пытается оказать давление на адвокатов. Возражал против направления дисциплинарного производства Квалификационной комиссии ввиду отсутствия оснований для этого, поскольку презумпция добросовестности адвокатов заявителем не опровергнута, а собственные обязанности по доказыванию выдвинутых дисциплинарных обвинений не исполнены. Также подчеркнул, что не утратил связь с профессией и страной, продолжает оказывать юридическую помощь доверителям в различных формах, в том числе с использованием видеоконференцсвязи. Никаких нарушений требований законодательства об

адвокатской деятельности и адвокатуре, а также профессиональной этики не допускал.

Рассмотрев и обсудив заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет признает, что Квалификационной комиссией правильно и с достаточной для разрешения дисциплинарного производства полнотой установлены фактические обстоятельства, и соглашается с заключением Квалификационной комиссии о прекращении дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов Б., П. и Т. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката. Приходя к этим выводам, Совет исходит из следующего.

Прежде всего, Совет отмечает, что обращение Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве, явившееся поводом для возбуждения настоящего производства, озаглавлено автором как «представление о прекращении статуса адвокатов...» и содержит ссылку на пункт 1 статьи 17.1 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», предусматривающий внесение органом юстиции в адвокатскую палату такого представления при наличии у него сведений об обстоятельствах, являющихся основанием прекращения статуса адвоката. Кроме того, в указанном выше письменном ходатайстве заявителя содержится утверждение о том, что основание, по которому предлагается прекратить статус адвокатов Б., П. и Т., является безусловным. Не соглашаясь с этим утверждением заявителя, Совет подчеркивает, что исчерпывающий перечень безусловных оснований прекращения статуса адвоката предусмотрен пунктом 1 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», и прекращение статуса адвоката по этим основаниям осуществляется на основании решения совета адвокатской палаты без проведения дисциплинарного разбирательства. Именно по таким основаниям органом юстиции вносятся представления о прекращении статуса адвоката, что прямо следует из содержания пункта 1 статьи 17.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Однако основание, по которому заявитель предлагает прекратить статус адвокатов Б., П. и Т., – выезд адвоката на срок более одного года за пределы Российской Федерации в отсутствие уважительных причин, предусмотрено не пунктом 1, а подпунктом 7 пункта 2 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которому *«статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты, членом которой является адвокат, ... на основании заключения квалификационной комиссии»*, при наличии перечисленных в нем оснований. Из приведенной формулировки нормы Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» ясно следует, что все основания

прекращения статуса адвоката, предусмотренные пунктом 2 статьи 17 этого Закона, в том числе и основание, предложенное заявителем в представлении, являются не безусловными, а диспозитивными. Обязательным условием применения любого из них является наличие оснований дисциплинарной ответственности адвоката, предусмотренных пунктом 2 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пунктом 1 статьи 18 и пунктом 2 статьи 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, доказанное в результате осуществления процедуры дисциплинарного производства. При этом применение к адвокату одной из мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных пунктом 6 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, осуществляется (при наличии оснований для этого) индивидуально и также на основе принципа диспозитивности, с учетом обстоятельств, предусмотренных пунктом 4 той же статьи Кодекса профессиональной этики адвоката.

В полном соответствии с этой логикой законодателя, выраженной в статье 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», и «зеркальным» образом по отношению к ней структурирована статья 17.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», регламентирующая полномочия органа юстиции по внесению различных видов представлений. Так, согласно пункту 2 этой статьи (в отличие от описанного выше пункта 1) орган юстиции, *«располагающий сведениями об обстоятельствах, являющихся основанием для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката, вносит представление о применении мер дисциплинарной ответственности»* в соответствующую адвокатскую палату. *«Указанное представление рассматривается квалификационной комиссией и советом адвокатской палаты в порядке, установленном кодексом профессиональной этики адвоката».*

Таким образом, поскольку представление Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве в отношении адвокатов Б., П. и Т. внесено по основанию, предусмотренному подпунктом 7 пункта 2 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», оно, несмотря на его заголовок, в действительности подлежит рассмотрению как представление о применении мер дисциплинарной ответственности, то есть в соответствии с пунктом 2 статьи 17.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в процедуре дисциплинарного производства, порядок и сроки которой предусмотрены Разделом 2 Кодекса профессиональной этики адвоката. Именно в таком качестве и в таком порядке представление Главного управления Министерства юстиции по Москве и было рассмотрено Квалификационной комиссией Адвокатской палаты города Москвы и рассматривается Советом. В этой связи Совет отмечает, что приведенная выше позиция заявителя и его представителя, изложенная соответственно в письменном ходатайстве и в заседании Совета, также основана на признании необходимости проведения дисциплинарного

разбирательства на основе принципа состязательности, что само по себе свидетельствует об отсутствии безусловного и о наличии диспозитивного основания прекращения статуса адвоката в настоящем дисциплинарном производстве.

При этом в соответствии с подпунктами 6 и 7 пункта 2 статьи 20 Кодекса профессиональной этики адвоката в жалобе, представлении, обращении о возбуждении дисциплинарного производства должны быть, в частности, указаны: конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса; обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, представлением, обращением, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства. Данные требования основаны на публично-правовом характере дисциплинарного производства, которое в силу этого осуществляется на основе принципа состязательности и презумпции добросовестности адвоката. Таким образом, обязанность по доказыванию выдвинутых дисциплинарных обвинений возложена на лицо (орган), который требует привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, и эта обязанность включает в себя представление доказательств, как подтверждающих выдвинутые дисциплинарные обвинения, так и опровергающих защитительные доводы адвоката. Заявителем в настоящем дисциплинарном производстве – Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве представлена совокупность доказательств, которую он счел необходимой и достаточной для подтверждения выдвинутого им в отношении адвокатов дисциплинарного обвинения. Каких-либо препятствий для представления доказательств у заявителя не имелось. В свою очередь, адвокатами Б., П. и Т. выдвинуты защитительные доводы и представлены подтверждающие их доказательства, которые они сочли необходимым и возможным представить. Всем представленным участниками дисциплинарного производства доказательствам, как по отдельности, так и в совокупности, Квалификационной комиссией дана надлежащая оценка. Более того, Квалификационная комиссия в ходе разбирательства реализовала предоставленное ей пунктом 6 статьи 23 Кодекса профессиональной этики адвоката полномочие запросить по своей инициативе сведения, которые она считала имеющими значение для дела. Однако ни заявитель, ни иные органы государственного управления, в которые Квалификационная комиссия обращалась с запросами, никаких дополнительных сведений по ее запросам не представили. В заключении Квалификационной комиссии приведены исчерпывающие сведения об этом. Вместе с тем, как указано выше, фактические обстоятельства, имеющие значение для разрешения дисциплинарного производства, установлены Квалификационной комиссией правильно и с достаточной полнотой. По изложенным причинам Совет не находит оснований для удовлетворения ходатайства заявителя о направлении дисциплинарного производства в Квалификационную комиссию для нового

разбирательства, мотивированного требованиями к самой Квалификационной комиссии – об истребовании дополнительных доказательств и установлении дополнительных обстоятельств, и к адвокатам Б., П. и Т. – о представлении дополнительных доказательств.

Далее Совет полагает необходимым привести анализ норм права, применимых к разрешению настоящего дисциплинарного производства, в их конституционно-правовом истолковании и системной взаимосвязи. Совет при этом отмечает, что заявитель, как следует из приведенного выше содержания его письменного ходатайства, также признает необходимым именно такой подход. В соответствии со статьей 15 Конституции Российской Федерации она имеет высшую юридическую силу и прямое действие, а законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. Органы государственной власти, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. Как многократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, одним из важнейших принципов правового государства является принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, предполагающий правовую определенность, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм и предсказуемость нормотворческой политики. При этом Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивал недопустимость издания в Российской Федерации законов, отменяющих или умаляющих права граждан (см., например, Постановление от 27 января 2026 года № 3-П). Конституционный Суд Российской Федерации также неоднократно указывал на то, что в правоприменении должно обеспечиваться конституционное истолкование подлежащих применению нормативных положений (см., например, постановления от 23 декабря 1997 года № 21-П, от 23 февраля 1999 года № 4-П, от 28 марта 2000 года № 5-П, от 23 января 2007 года № 1-П, от 08 ноября 2012 года № 25-П, от 23 сентября 2014 года № 24-П, от 12 марта 2015 года № 4-П, от 18 июля 2018 года № 33-П и др.). Аналогичный вывод следует из многократно высказанной позиции Конституционного Суда Российской Федерации о том, что применение нормы в неконституционном истолковании (в частности, не в соответствии с конституционно-правовым смыслом нормы, выявленным самим Конституционным Судом Российской Федерации) не допускается (см., напр., Определение от 22 ноября 2014 года № 118-О). Таким образом, толкование и применение любых норм закона должно осуществляться в соответствии с их конституционно-правовым смыслом и в предсказуемом согласовании с иными нормами права в единой системе правового регулирования, а также в контексте беспрепятственной реализации конституционных прав и свобод граждан.

Согласно чести 2 статьи 27 Конституции Российской Федерации каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно

возвращаться в Российскую Федерацию. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что Конституция Российской Федерации не содержит каких-либо ограничений в отношении целей выезда за пределы Российской Федерации, продолжительности и условий пребывания за границей, а равно ограничений в отношении страны выезда (см. постановления от 22 июня 2010 года № 14-П, от 27 ноября 2009 года № 18-П). Это право предусмотрено нормой, находящейся в составе главы 2 Конституции Российской Федерации, и в силу ее статей 17, 18, 64 представляет собой одну из основ конституционного статуса личности в Российской Федерации, является неотчуждаемым и непосредственно действующим, признается и гарантируется на всей территории Российской Федерации и может ограничиваться только при соблюдении двух условий в совокупности: если это ограничение предусмотрено федеральным законом и лишь в той мере, в какой оно необходимо для защиты иных конституционно значимых ценностей (часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации). Следовательно, не может быть признано конституционным такое толкование любой законодательной нормы, в соответствии с которым ограничивались бы права и свободы лица, выехавшего за пределы Российской Федерации, только на основании самого факта выезда, в отсутствие нарушения этим иных конституционных интересов, предусмотренных частью 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации. Тем более недопустимо было бы применение к выехавшему лицу мер ответственности (в том числе дисциплинарной) и наказания за сам факт его выезда из Российской Федерации.

Применяя этот конституционно-правовой подход к толкованию подпункта 7 пункта 2 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в его системной взаимосвязи с нормативно установленными основаниями применения к адвокату мер дисциплинарной ответственности, Совет отмечает следующее. В соответствии с пунктом 2 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат несет ответственность, предусмотренную этим Законом, за неисполнение или ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей. В соответствии с пунктом 1 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности. В соответствии с пунктом 2 статьи 19 Кодекса профессиональной этики адвоката поступок адвоката, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет адвокатуры, неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей, а также неисполнение решений органов адвокатской палаты должны стать предметом рассмотрения соответствующих квалификационной комиссии и Совета, заседания которых проводятся в соответствии с процедурами дисциплинарного производства, предусмотренными настоящим Кодексом. Иных оснований дисциплинарной

ответственности адвоката законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре не установлено.

Профессиональные обязанности адвоката предусмотрены пунктом 1 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также рядом норм Кодекса профессиональной этики адвоката (статьи 4, 5, 8, 12, 14, 15, 16, 17). В их составе нет (и по приведенным выше причинам не может быть) обязанности адвоката постоянно находиться на территории Российской Федерации либо не покидать ее на какой-либо срок. Не содержится (и по приведенным выше причинам не может содержаться) запрета на выезд адвоката за пределы Российской Федерации на какой-либо срок и в числе профессиональных запретов для адвоката, предусмотренных пунктом 4 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», статьями 6, 9, 10, 11, 13, 15, 16 Кодекса профессиональной этики адвоката. По этим причинам Совет не может согласиться с мнением представителя заявителя о том, что сам по себе выезд адвоката за пределы Российской Федерации является проступком, порочащим честь и достоинство, и свидетельствует о неисполнении обязанностей адвоката. Совет в этой связи отмечает, что действия адвоката, не нарушающие никаких требований законодательства и профессиональной этики, ни при каких обстоятельствах не могут порочить его честь и достоинство, а также рассматриваться в качестве дисциплинарного проступка. Иной подход противоречил бы приведенным выше нормативно установленным основаниям дисциплинарной ответственности адвоката и означал бы недопустимую дискриминацию адвоката в реализации конституционных прав гражданина Российской Федерации.

Приведенное конституционно-правовое истолкование смысла и содержания подпункта 7 пункта 2 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в его системной взаимосвязи с иными применимыми при разрешении настоящего дисциплинарного производства правовыми нормами, приведенными выше, вне разумных сомнений свидетельствует о том, что сам по себе выезд адвоката за пределы Российской Федерации, в том числе на срок более года и в отсутствие уважительных причин, не может являться достаточным основанием для применения к адвокату какой-либо меры дисциплинарной ответственности, а тем более – прекращения статуса адвоката, влекущего ограничение его конституционных прав на труд и свободный выбор профессии. Именно такое толкование, безусловно, было применено и законодателем, что следует из самого факта нахождения указанной нормы в составе пункта 2 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», предусматривающего лишь возможность прекращения статуса адвоката при наличии оснований для этого, а не безусловную обязательность такой меры.

Таким образом, обязательным условием применения в отношении адвоката любой меры дисциплинарной ответственности по

рассматриваемому основанию, а тем более – самой суровой из них в виде прекращения статуса, лишаящей адвоката права на профессию и труд, является наличие доказательств того, что выезд адвоката за пределы Российской Федерации на срок более года затрагивает иные конституционно значимые права и интересы. Иными словами, должна быть установлена и доказана непосредственная причинно-следственная связь между выездом адвоката за пределы Российской Федерации на срок более года и неисполнением либо ненадлежащим исполнением им профессиональных обязанностей, решений органов адвокатского самоуправления, нарушением вследствие этого прав и интересов доверителей адвоката, утратой им связи с адвокатским сообществом, причинением вреда авторитету адвокатуры и т.п. Именно такой подход был публично заявлен и самими авторами законодательной инициативы о дополнении пункта 2 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» рассматриваемым подпунктом 7: *«...авторы поправок поясняют, что, согласно поступающей в Минюст России информации, есть случаи, когда адвокаты РФ выехали на продолжительное время либо уехали на постоянное место жительства в иностранные юрисдикции, в том числе в недружественные РФ государства, и продолжают свою деятельность, в том числе направленную на подрыв доверия к институту адвокатуры. В связи с этим новой версией проекта предлагается п. 2 ст. 17 Закона дополнить подп. 7...»* (<https://fparf.ru/news/fpa/kompleksnye-novovvedeniya/>. См. также <https://www.kommersant.ru/doc/6280611>; <https://www.rbc.ru/politics/16/10/2023/652d41aa9a7947916a6829cc>).

Совокупность этих обстоятельств и причинно-следственная связь между ними должны быть установлены в результате дисциплинарного разбирательства. При этом подлежит учету и то обстоятельство, что само государство прилагает значительные усилия по внедрению в законодательство, регламентирующее все виды судопроизводства, и в правоприменительную практику дистанционных технологий, позволяющих адвокатам удаленно оказывать доверителям не только консультационную юридическую помощь, но и осуществлять представление их интересов в судах и иных государственных органах без личного присутствия в этих органах. В связи с этим само по себе нахождение адвоката за пределами Российской Федерации не свидетельствует о том, что он не оказывает и не может оказывать квалифицированную юридическую помощь доверителям в Российской Федерации. Кроме того, получателями юридической помощи российского адвоката могут быть доверители, находящиеся за пределами Российской Федерации.

Применяя этот правовой подход к разрешению настоящего дисциплинарного производства, Совет отмечает, что в заключении Квалификационной комиссии подробно, с необходимыми ссылками на установленные фактические обстоятельства и подтверждающие их доказательства, обоснован вывод о том, что выезд адвокатов Б., П. и Т. за пределы Российской Федерации не повлек каких-либо негативных

последствий для конституционных интересов иных лиц, адвокатского сообщества, а также общества или государства. Напротив, как следует из материалов дисциплинарного производства и основанного на них заключения Квалификационной комиссии, эти адвокаты и после выезда за пределы Российской Федерации добросовестно исполняют все профессиональные обязанности, а именно: продолжают оказывать юридическую помощь доверителям, которые высоко оценивают эту помощь, участвуют в материальной форме в защите по назначению и в оказании бесплатной юридической помощи, не утратили связь с сообществом, надлежащим образом уплачивают обязательные отчисления, своевременно представляют информацию об избранном ими адвокатском образовании и т.д. Каких-либо доказательств совершения этими адвокатами действий, направленных к подрыву доверия или наносящих вред авторитету адвокатуры, материалы дисциплинарного производства также не содержат.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу об отсутствии правового основания для привлечения адвокатов Б., П. и Т. к дисциплинарной ответственности, поскольку в результате дисциплинарного разбирательства не установлен факт совершения ими какого-либо поступка, порочащего их честь и достоинство, умаляющего авторитет адвокатуры или свидетельствующего о неисполнении или ненадлежащем исполнении ими требований законодательства, профессиональной этики и профессиональных обязанностей, а равно решений органов адвокатской палаты. Совет в этой связи подчеркивает, что данный вывод предопределяет прекращение дисциплинарного производства по основанию, предусмотренному подпунктом 2 пункта 1 статьи 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, безотносительно всех иных обстоятельств, включая доказанность или недоказанность факта выезда адвокатов за пределы Российской Федерации на срок свыше года, наличия или отсутствия уважительности причин такого выезда.

В дополнение к этому выводу Совет, руководствуясь принципом состязательности дисциплинарного производства и лежащей в его основе презумпцией добросовестности адвоката и соглашаясь с Квалификационной комиссией, отмечает, что в результате дисциплинарного разбирательства заявителем не были опровергнуты следующие защитительные доводы, выдвинутые адвокатами Б., П. и Т.:

– о недоказанности факта выезда каждого из них за пределы Российской Федерации на срок более года и об их периодических возвращениях в Российскую Федерацию, в том числе не через пункты пограничного контроля, находящиеся в аэропортах города Москвы;

– о наличии у каждого из них уважительных причин выезда за пределы Российской Федерации, связанных с прохождением лечения (адвокат Б.) и с угрозами криминального характера их жизни и здоровью (адвокаты П. и Т.). Ссылка заявителя на отсутствие в органах МВД РФ зарегистрированных заявлений адвокатов П. и Т. о наличии таких угроз и о применении мер

государственной защиты сама по себе не опровергает данный довод адвокатов, поскольку неподача ими подобных заявлений могла быть вызвана различными причинами (в том числе теми, на которые они указали в своих объяснениях). При этом ими приведены сведения о возбуждении и продолжающемся расследовании уголовного дела о покушении на убийство их бывшего партнера, а ныне доверителя Пер., в связи с оказанием которому юридической помощи им и угрожает опасность. Согласно Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства (статья 2); каждый имеет право на жизнь, охрану здоровья и медицинскую помощь (статьи 20, 41), а также на личную неприкосновенность (статья 22), что исключает любое незаконное воздействие на человека – как физическое, так и психологическое. В силу статьи 21 Конституции Российской Федерации достоинство личности охраняется государством; ничто не может быть основанием для его умаления; никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию (см., например, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2016 года № 224-О). Эффективная реализация указанных конституционных прав может осуществляться не только путем обращения за государственной защитой, но и путем их самозащиты, в том числе, в форме временной смены места пребывания на иную страну;

– о том, что инициирование их дисциплинарного преследования является способом противодействия их профессиональной деятельности по защите интересов доверителей и сопровождается проведением в их отношении оперативно-розыскных мероприятий в отсутствие законных оснований для этого. Совет в этой связи отмечает не имеющую разумного объяснения обвинительную активность, проявляемую в связи настоящим дисциплинарным разбирательством со стороны МВД РФ. Данное подразделение, не являющееся участником дисциплинарного производства, не наделенное полномочиями по его оперативному сопровождению и информационному обеспечению [«Сотрудники ... МВД России оказывают содействие другим подразделениям полиции в предотвращении и раскрытии всех видов преступлений, в том числе террористического и экстремистского характера, коррупционных, связанных с наркобизнесом, незаконным распространением специальных технических средств. Подразделения ... востребованы следственными органами во время проведения расследований» // ...], тем не менее, по неизвестным причинам располагает не подлежащими разглашению в силу пункта 4 статьи 26 Кодекса профессиональной этики адвоката сведениями о его ходе и результатах, осуществляет сбор и оценку доказательств по нему. Более того, указанное ... полагает возможным инициировать перед Министерством юстиции Российской Федерации «проведение дополнительной проверки» и «рассмотрение вопроса о прекращении статуса адвокатов» Б., П. и Т. При этом в представлении

Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве в отношении этих адвокатов сообщается, что оно вносится на основании информации, поступившей из Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве, а не из указанного

В заключении Квалификационной комиссии приведен исчерпывающе полный анализ как всех указанных доводов адвокатов Б., П. и Т., так и всех представленных участниками дисциплинарного производства доказательств, и на основании результатов этого анализа сделан обоснованный вывод о том, что доводы адвокатов остались непровергнутыми. Соглашаясь с этим выводом Квалификационной комиссии, Совет отмечает, что на него не влияют приведенные выше дополнительные доводы, содержащиеся в письменном ходатайстве заявителя от 29 января 20.. года и приложении к нему, поскольку эти доводы не подтверждены какими-либо допустимыми и достоверными доказательствами. Вместе с тем, Совет отмечает, что, в силу выявленного и обоснованного выше отсутствия правового основания дисциплинарной ответственности адвокатов, указанные фактические обстоятельства самостоятельного значения для разрешения настоящего дисциплинарного производства не имеют.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвокатов Б. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов), П. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) и Т. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 07 октября 20.. года № ... (вх. № ... от 14.10.20..), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) каждого из адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков